

ВЛАСТЬ ТРЕНЕРА И ЗАВИСИМОСТЬ СПОРТСМЕНА

Статья 2

COACHE'S POWER AND DEPENDENCE OF THE ATHLETE

Volume 2

**Ложкин
Георгий Владимирович** –
д-р. психол. наук, профессор,
профессор кафедры психологии
и педагогики НТУУ КПИ им.
Игоря Сикорского, Киев,
Украина, lozhkin35@gmail.com

Lozhkin George – Doctor of
Sciences, PhD, Professor, Professor
of the Department of Psychology
and Pedagogy NTUU KPI named by
Ihor Sikorsky, Kyiv, Ukraine

Колосов Андрей Борисович –
канд. психол. наук, ст. науч. сотр.,
зав. лаборатории оперативного
и текущего контроля
подготовленности спортсменов
сборных команд ГНИИФКС, Киев,
Украина, andriy_kolosov@i.ua

Kolosov Andriy – PhD, Senior
Researcher, Head of the Lab of
current and operative control
of National team preparation,
SSRIPCS, Kyiv, Ukraine

Волянюк Наталия Юрьевна –
д-р. психол. наук, профессор,
зав. кафедры психологии и
педагогики НТУУ КПИ им. Игоря
Сикорского, Киев, Украина,
n.volianiuk1@gmail.com

Volianiuk Nataliia – Doctor of
Sciences, PhD, Professor, Professor
of the Department of Psychology
and Pedagogy NTUU KPI named by
Ihor Sikorsky, Kyiv, Ukraine

Ключевые слова: педагогическая власть, ресурс влияния, интерактивная зависимость, дисфункциональное взаимодействие, автонарратив.

Аннотация. Описана феноменология возникновения, проявления дисфункциональных отношений в спортивно-педагогическом взаимодействии. Приведены эмпирические подтверждения разнообразия переживаний атлетов аддиктивных взаимоотношений. Представлены взаимосвязи интенсивности спортивного противостояния и выраженности шкалы «зависимость-доминантность» у мужчин и женщин.

Keywords: pedagogical power, resource of influence, interactive dependence, dysfunctional interaction, auto-narrative.

Abstract. The phenomenology of appearance, manifestations of dysfunctional relations in sports-pedagogical interaction is described. Empirical confirmation of the diversity of athletes' addictive relationship experiences is given. Experimental data on the interconnections between the intensity of sports confrontation and the intensity of the «dependence-dominance» scale (F4) of the 16PF questionnaire by R. Kettel among male and female are presented. Analogies of the manifestation of social scenarios of interactive addictions among athletes are shown.

Актуальность исследования. Определение качественных индикаторов спортивно-педагогического взаимодействия: длительности, эффективности, успеха и удовлетворенности его субъектов, все чаще выходит за рамки проектирования факторов и моделей спортивной деятельности, выработки необходимых способностей. Взгляды исследователей все пристальней обращены к условиям

формирования личностных качеств и свойств, детерминантам развития субъектности, активизации регулятивных средств психики, факторам реализации личностного потенциала и контекстам их проявления. Значительная роль в разворачивании динамики этих процессов находится в пространстве межличностных (интерсубъектных) коммуникаций, на фоне которых осуществляется кристаллизация

психологических ресурсов субъекта, их операционализация в спортивной среде.

Спортивно-педагогическая деятельность является одной из наиболее чувствительных к условиям межличностного взаимодействия сфер, где успешность совместной деятельности определена, с одной стороны, педагогическим влиянием тренера на спортсмена (команду), с другой – степенью свободы последних в регуляции тренировочной и соревновательной активности. Управление спортивной подготовкой традиционно осуществляется путем влияния на спортсмена через механизмы власти, которая является средством реализации спортивно-педагогической деятельности тренера. Анализ форм власти и ее различных характеристик в спортивно-педагогическом взаимодействии дал возможность рассмотреть ресурсы властных проявлений, поддерживающие авторитет тренера, а также выделить факторы, которые его снижают [16]. В тоже время реализация властных проявлений в векторе взаимодействия тренер-спортсмен может актуализировать возникновение ответного феномена личностной (интерактивной) зависимости, как правило, спортсмена принимающего результат управленческого (педагогического) решения. В этом случае атлет как бы освобождается от принятия решений, концентрируясь на основной задаче, но в тоже время уменьшает степень участия в регуляции деятельности, сворачивая проявления личностной субъектности.

Мы попытались изучить этот процесс, выявить субъективные факторы спортивной деятельности, которые его детерминируют, а также определить объективные условия возникновения риска появления дисфункциональных проявлений во взаимодействии тренеров и спортсменов.

Цель – изучить содержательно-динамические аспекты феномена интерактивной зависимости, ее поведенческие проявления, возникающие в спортивно-педагогическом взаимодействии.

Методы исследования. Теоретический анализ проблемы и обобщение эмпирического опыта, контент-анализ автонарративов известных спортсменов и тренеров, литературных и мультимедийных источников, психологическое тестирование (16PF Р.Кеттела, экспресс-диагностика психологической готовности), ранговый корреляционный анализ (correlation by rank r_s -test), непараметрический дисперсионный анализ (ANOVA by ranks H-test).

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение разнообразных аддикций в спортивной деятельности только лишь находится в стадии

научного обобщения и систематизации, но накопление знаний о природе зависимого поведения в современной психологии физического воспитания и спорта осуществляется в процессе изучения широкого круга проблем. К наиболее известным среди них можно отнести исследования: факторов эффективности межличностного взаимодействия и взаимовлияния (Коломейцев Ю.А., 2004); отношений в системах «спортсмен-тренер» (Загайнов Р.М., 2005); чувствительности к влиянию актуальной психологической ситуации или факторов «поля» («полезависимость») и ее связь со стрессустойчивостью (Колосов А.Б., 2007); суеверий и ритуализма в спорте, как факторов экстернализации психического состояния (Сивицкий В.Г., 2004; Загайнов Р.М., 2005); формирования аддиктивных стереотипов допингового поведения у молодых спортсменов (Elbe A.-M., 2008; Zelli A., 2011); возрастания девиантных поведенческих проявлений на этапе завершения спортивной карьеры (Шихвердиев С.И., 2010); образования склонности к рискованному поведению и утрата «чувства опасности» (Егоров А.Ю., 2007); эмоциональной фиксации (зависания) вследствие достижения или недостижения значимой цели (Ложкин Г.В., 2005); образования эмоционального «голода» и развитие адреналинового «алкоголизма» (Куликов Л.В., 2004); привыкания к физическим нагрузкам и упражнениям (Murphy M., 1994; Griffiths M., 1997; Kjelsas E., 2003; Hamer M., Karageorghis C., 2007); занятий экстремальными видами физической активности и спорта (Ефременко К.Н., Ковылин М.М., 2010) и ряда др.

В процессе изучения этих и других проблем сформировались довольно отчетливые представления о природе зависимого поведения, разновидностях, провоцирующих и лимитирующих факторах, а также позитивных и негативных ее сторонах. В общем психологическом смысле зависимость (аддикцию) определяют как навязчиво ощущаемую человеком потребность, склоняющую его к определенной деятельности [18]. Наиболее распространенными критериями диагностики ее проявлений принято считать: побуждение к контрпродуктивной поведенческой деятельности (влечению); повышение состояния напряжения, до тех пор, пока деятельность не будет завершена; полное, но кратковременное прекращение эмоционального напряжения сразу после завершения этой деятельности; повторные влечения через часы, дни или недели (симптомы абстиненции); внешние уникальные для данного синдрома аддикции проявления; детерминация самочувствия внешними и внутренними

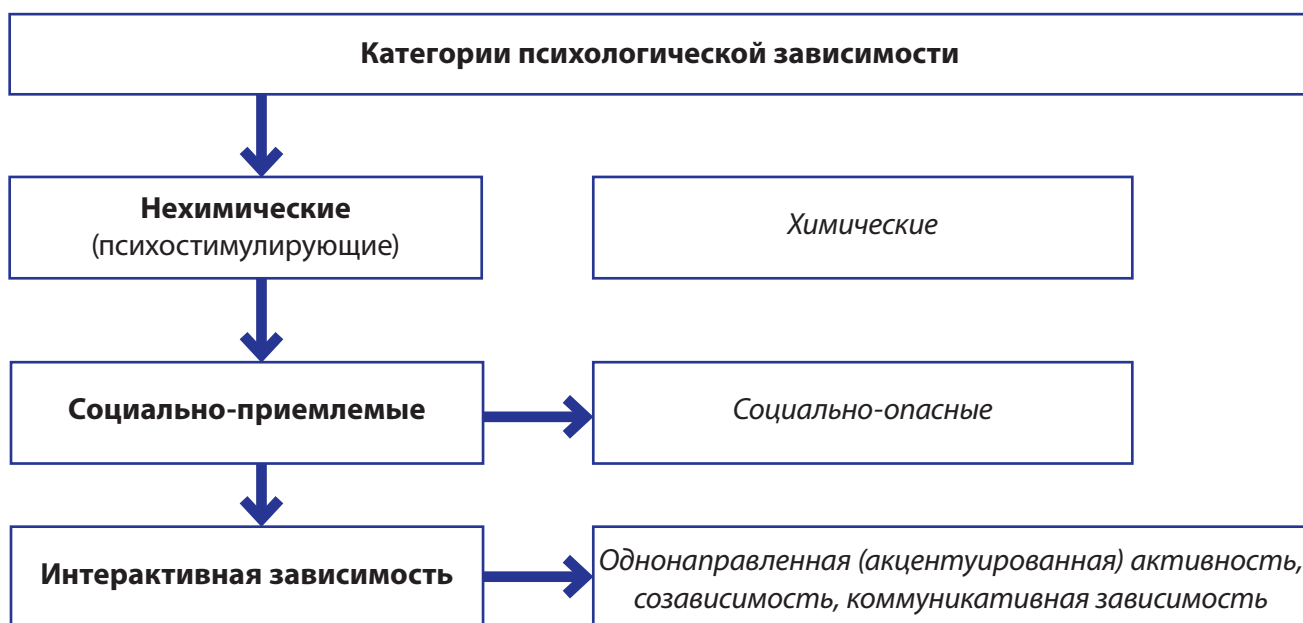

Рисунок 1 – Интерактивная зависимость в классификационном поле

проявлениями (дисфория, тоска); гедонистический оттенок на ранних стадиях аддикции [29].

Однако механизмы и специфика феномена зависимости и зависимых отношений, как его составляющей части, приобретают специфические черты, когда речь идет о спорте высших достижений с его эмоциогенностью, привлекательностью, зрелищностью и вместе с тем ответственностью субъектов за спортивный результат. Подтверждением тому многочисленные автонаративы выдающихся атлетов, с ярко представленными эмпирическими фактами, обобщение которых дает возможность очертить типичные для исследуемого нами предмета контуры. Воспользуемся «откровением» спортсменов разных эпох: «...спринтером я стал, наверное, в тот день, когда выиграл первые соревнования, – рассказывает в автобиографической книге двукратный олимпийский чемпион Валерий Борзов, – это было на первенстве города – и получил первый в жизни приз: спортивную сумку. Дело, конечно, не в призе, а в том, что я одержал верх над своими ровесниками. Радость победы – это первый симптом того, что человек готов к усовершенствованию в этом виде. Пережив это чувство, он не уйдет со спорта» [3, с. 3]; «...Эти ощущения невозможно передать на словах, их нужно ощутить – сознается чемпионка Европы, призерша чемпионата мира и олимпийских Игр Елизавета Брызгина, – Извините за сравнение, но спорт – это как наркотик. Если ты хоть раз погрузился в эту атмосферу, то хочешь оказаться в ней еще и еще раз. Поэтому выходит так, что человек,

который остался в спорте до 30 лет, потом вообще не может с ним распрощаться. Так же, как наркоман, который не может соскочить с иглы...» [4].

Наше исследование посвящено изучению преимущественно эмпирических фактов возникновения и развития зависимых отношений между центральными субъектами спортивно-педагогической деятельности, какими есть тренер и спортсмен, особенностями возникновения зависимости в их интерактивном пространстве.

Для удобства понимания пространства феномена интерактивной зависимости в спорте мы воспользовались классификационной схемой представленной на рисунке 1.

И все же, несмотря на существование различных категорий зависимостей и концентрацию нашего внимания на интерактивной ее разновидности, риск ее возникновения в спорте, прежде всего, связывают с выходом эмоциогенных состояний за границы индивидуального оптимума. Интенсивная эмоциональная стимуляция, как правило, сопровождающая объемные функциональные нагрузки, характерные для крупных спортивных мероприятий, нередко становится причиной возникновения состояний высокой активации, либо источником чрезмерного психического истощения. В этом случае средством редукции эмоционального пресыщения может быть химический агент, например, фармакология, алкоголь, за день (несколько дней) до соревнований, между отборочными этапами, которые в определенной степени способствуют

понижению уровня возбуждения в коре головного мозга, ослабляют интенсивность переживания и тревоги. Или же нехимический агент, например, определенная активность, позволяющая восполнить эмоциональный дефицит, переключая на эйфорические переживания, например, успешных выступлений, отвлекающая от неприятных, затратных актуальных событий (ситуаций проигрыша, дисквалификации, несправедливого судейства и т.д.), субъективно отдаляя их от сознания. Чем уже у спортсмена индивидуальные границы эмоционального оптимума, тем меньшей будет его психологическая устойчивость и тем более велик риск прибегнуть к определенным агентам, а вместе с ним и вероятность возникновения зависимости.

Однако первоначальным источником эмоциональности спортсмена являются не столько соревновательные события, сколько сами отношения системы «спортсмен-тренер». Эмоциональная связь, зарождающаяся между еще юным спортсменом и спортивным педагогом, которые вступают в длительное социальное, а впоследствии профессиональное, взаимодействие, приводят к образованию психологической привязанности, т.е. такого избирательного отношения, которое обеспечивает эмоциональную поддержку, безопасность и вместе с тем является источником удовлетворения «чемпионских» устремлений спортсмена. Подтверждением этой мысли могут быть слова выдающегося тренера современности Татьяны Тарасовой. О назначении тренера, которого ученики видят «чаще, чем своих пап и мам», она написала так: «Чему ты научишь детей, то они и будут любить всю жизнь. Они же все время возле тебя, они подражают тебе – смотришь в детские глаза, а там такая преданность!» [21, с.124].

В процессе многолетнего взаимодействия отношения тренера и спортсмена могут образовывать разнообразные типы привязанности, отличающиеся по степени надежности, безопасности, тревоги, и сопротивления. Тренер, который со временем может оказаться социальной фигурой, наиболее тесно опекающей спортсмена, иногда становится более референтным, чем родители, способным конкурировать с позиции влияния на личность спортсмена. Однако даже эффективное спортивно-педагогическое влияние не всегда оставляет в сознании спортсмена положительный образ. Вот как о результатах отношений с собственным тренером высказывается наиболее титулованная спортсменка Украины Яна Клочкова: «Это своеобразный человек (Нина Кожух - прим. авт.). Конечно, с характером. В спорте без этого никак. Возможно, даже немного деспотичная.

Но это дало результат. Конечно, какие-то мои качества она подавила – самостоятельность, доверчивость, открытость...» [12]. Относительная потеря автономии юным спортсменом, возникающая в отношениях с опытным, социально зрелым и компетентным наставником выглядит объяснимым, в определенной мере закономерным, явлением. В случае, когда взаимодействие оказывается эффективным и становится результатом достижения спортивных успехов, это непременно сопровождается достижением эмоционального комфорта, чувством удовлетворения, желанием продолжать отношения и оптимистичным ожиданием будущего успеха. Атлет, который доверился воле тренера и достиг при этом спортивного успеха, вероятнее всего и в дальнейшем будет склонен полагаться на его авторитетные решения, одновременно сужая границы собственной роли, а, следовательно, и ответственности за подготовку и результаты соревновательных выступлений. Закрепление такого формата взаимоотношений между спортсменом и тренером, без ощутимых педагогических коррекций со стороны последнего, может привести к образованию стойкого поведенческого паттерна и закреплению в поведении уже опытного спортсмена.

Отношения в любых субъектных системах чаще всего образуют асимметричные формы взаимодействия и взаимовлияния, поэтому находятся в состоянии временного динамического равновесия. На смену ситуативному комфорту может прийти напряжение, тревога, злость, например, вследствие неудачного выступления на соревнованиях, вызвать, таким образом, новое проявление аддиктивной реакции. Эмпирическим отражением подобной ситуации может быть такой комментарий спортсмена: «... в решающий момент возникло недоразумение между мной и тренером ... Я вышел на дорожку и сразу пропустил три укола – мы стали проигрывать. Я старался найти глазами тренера, но он отошел в сторону ... Из-за этого досадного, можно даже сказать фатального, недоразумения мы проиграли поединок за выход в полуфинал...» [24].

Снижают автономность, персональную субъектность спортсмена и, соответственно, увеличивают интерактивную зависимость, чувствительность ко внешним влияниям эмоциогенные факторы, которые сопровождают большие спортивные соревнования, где «спортсмен опустошен и морально, и физически ... Он как маленький беззащитный ребенок, которого нужно оберегать со всех сторон» [8]. В такой ситуации неустойчивая субъективная самооценка атлета, которому не хватает внутренних

ориентиров и регулятивных средств (ресурсов) для поддержания психологического равновесия, нуждается в перманентной внешней стимуляции и регламентированных поведенческих установках со стороны тренера. Прежде всего, они нужны для внутренней борьбы с постепенно возрастающими сомнениями, которые часто воспринимаются спортсменом в таких ситуациях экстернально, как будто находятся вне границ личности, а значит и его персональной ответственности. При таких условиях активный запрос на внимание, по отношению к собственным действиям, нередко является маскировкой личностной тревоги спортсмена, связанный с чувством психологической неготовности и потерей уверенности в собственное успешное выступление. О подобной ситуации Роман Гонтюк говорит так: «Перед стартом ты думаешь, что недоработал и нужно еще тренироваться. В такие моменты рядом должен быть мудрый, квалифицированный тренер, который остановит тебя. Скажет: «Иди, чтобы я тебя неделю не видел в зале». Он должен заставить поплавать в бассейне, пробежать небольшой кросс, собрать шишечки в лесу или просто погулять. Одним словом, отдохнуть. Это очень важный момент» [8].

На основании проведенного анализа интерактивно зависимое поведение можно определить как отсутствие (ограниченность) самодостаточности или нормального функционирования без уверенности в чьей-либо заботе, переживание трудностей в практической реализации своих возможностей без помощи другого.

Понятно, что развитие зависимых отношений между субъектами взаимодействия, в системе «тренер-спортмен», явление довольно продолжительное. Очевидно, что в каждом из педагогических случаев есть своя уникальная история, развитие которой тяжело вложить в типичные условия. И все же, абстрагируясь от конкретных ситуаций, отметим ключевые моменты становления зависимых отношений.

Начиная со старшего дошкольного возраста, когда дети приходят в спорт, они постепенно переосматривают статус родителей и все менее склонны воспринимать их как всемогущих и осведомленных во всем, происходит изменение жизненных взглядов, сформированных семьей. Нередко тренер непроизвольно «заполняет» эмоциональные «пробелы» семейного воспитания, особенно, когда это касается детей из неполных семей. Молодой спортсмен чувствует, что источником удовлетворения его личностных, нередко довольно амбициозных,

устремлений являются именно отношения с тренером, а не с родителями.

Начиная с юношеского возраста, вследствие существенного увеличения физических и психических нагрузок в спорте, интенсификации личностного развития спортсменов и первых в их спортивной карьере значительных успехов, происходит интеграция полученных ранее паттернов отношений с новыми физическими и психическими умениями, которые формируют взрослые паттерны привязанности. В этот период спортсмены отмечают увеличение дистанции во взаимоотношениях со своими наставниками, происходит психологическая сепарация, когда очерчивается новый формат отношений, в развитии которых определяющее значение имеют как индивидуальные характеристики субъектов, особенности построения взаимодействия, так и специфика самой спортивной деятельности. Понимание или непонимание этих особенностей часто приводит к существенному изменению формата взаимодействия и соответственно, иногда довольно внезапного, повышения или снижения ее продуктивности. Вот как на это смотрит опытный тренер: «...Все маленькими приходят к тренеру - и он должен им понравиться. Девочка рисует себе образ, с ним движется. Я тоже ... однажды влюбился в образ тренера. Для меня он был как Джеймс Бонд. И волейболист, и велосипедист, и в «пивнухе» бился как боксер. Ведь в Тольятти я из-за чего «сгорел»? Девушки постарели, выиграли чемпионат мира, а я к ним с бывшим подходом. И пошло десять. Кто рожать, кто в Европу. ... В женском тренере часто просыпается «петушиная болезнь»: «Эта мое стадо, никого не подпущу...». Но я этим уже переболел. Вообще команда – моя семья. Постоянно на сборах вместе, даже самые интимные их проблемы решаю. Меньше знаю о своей дочери, чем об игроках» [22].

Мы попытались экспериментально определить существуют ли отличия в личностных особенностях спортсменов, в частности их подверженности зависимому поведению? Оказалось, что чем интенсивней противоборство спортсмена, тем чувствительней он воспринимает влияние значимых для него субъектов, и в первую очередь тренера. Обобщенные результаты сравнительного исследования представлены в таблице 1. В качестве экспериментального референта интерактивной зависимости использованы результаты вторичной шкалы «зависимость-доминантность» (F4) опросника 16PF Р.Кеттела.

Как следует из таблицы, личностная «зависимость» женщин почти во всех категориях

Таблица 1 – Сравнительный анализ проявлений личностной «зависимости» (16PF-F4) атлетов, специализирующихся в видах с разной контактностью в противоборстве

Пол спортсмена	Степень интенсивности противоборства (вид спорта)				Н	р
	Жесткий контакт (бокс)	Физический контакт (фехтование)	Условный физический контакт (л/а ходьба)	Отсутствие физического контакта (л/а метания)		
Мужчины	3,66±1,9	4,12±1,4	4,85±1,1	5,09±2,0	6,9	0,2
Женщины	2,53±2,3	2,60±1,6	4,02±1,5	5,13±0,7	7,3	0,1

испытуемых более выразительна, что, на наш взгляд, можно объяснить меньшей дистанцией во взаимоотношениях между спортсменом и тренером как в тренировочной, соревновательной деятельности, так и вне спорта. Известный гандбольный тренер Евгений Трефилов эту особенность объясняет так: «Мужчины больше предсказуемы. Но женщины к тебе привязываются, они более благодарны. Некоторые из них за тобой и в огонь, и в воду» [22]. Отличия в установлении психологической дистанции и ее динамических характеристиках, между тренером и спортсменом отдельно изучались нами в специально проведенных исследованиях [14]. Они продемонстрировали статистически достоверные отличия в фактической и идеально желаемой дистанции, устанавливаемой на тренировках, во время соревнований, а также внеспортивных отношениях между спортсменами и тренерами разного пола.

Однако, независимо от половой принадлежности, эмоционально насыщенные психические состояния, возникающие в процессе совместной деятельности, приводят к образованию близости, взаимных переживаний, которые выступают одним из условий взаимопонимания, и являются своего рода инструментом проникновения во внутренний мир другой личности. Собственное переживание спортсмена «расширяется» за счет такого же состояния тренера, в результате чего горизонт понимания расширяется. Переживание и понимание составляют феномен взаимной связи – вчувствования, благодаря которому тренер может обретать некое единство, эмоционально присоединяясь к своему ученику в наиболее психологически сложные моменты спортивной деятельности.

Анализ взаимосвязей конструкта «зависимость-доминантность» с блоком оценки взаимодействия в системе «тренер-спортсмен», дал возможность выделить значимые связи между индикаторами «понимание», «доверие», «взаимоотношения», «дистанция». Причем оказалось, высокие значения зависимости связаны с близкой дистанцией ($r=0,55$; $n=42$; $p<0,05$), полнотой доверия ($r=0,55$; $n=42$; $p<0,05$), глубиной понимания ($r=0,66$;

$n=42$; $p<0,05$), но в то же время общим дискомфортом в отношениях ($r=-0,6$; $n=42$; $p<0,05$). Иначе говоря, возникает эмоциональный диссонанс между желанием развиваться в системе этих отношений, но в тоже время и стремлением их лимитировать. Находясь в таких условиях, спортсмен вынужден жертвовать эмоциональным благополучием внутренне намереваясь выйти из такой системы отношений, но при наличии сниженной самодостаточности, автономности он наоборот погружается в интеракцию, укрепляя зависимость.

На фоне развития интерактивных дисфункций, неизменно сопровождающих в той или иной мере спортивную карьеру, возникает риск развития вторичных аддикций, точнее функциональный перенос переживаний зависимости из области межличностных отношений на продукт их совместной деятельности, каким в спорте является соревновательный результат. Эмпирическим подтверждением такого феномена выступают откровения олимпийской чемпионки Марины Анисиной: «Мы приобрели звание первых в мире – и потеряли свободу, стали зависимы. И у меня к постоянному стрессу зависимости от партнера добавился еще один – зависимость от звания» [1]. Глубокая эмоциональная фиксация на образе победы оказывается в состоянии создать мощное препятствие в формировании ориентировочной основы деятельности, иначе говоря, воссоздании представлений о деятельности в последующих соревнованиях. Активизация эмоциогенных образов успешного выступления ассоциативно «подтягивает» паттерны со сходной эмоциональной валентностью, создавая широкую эмоциональную доминанту и одновременно размывая неустойчивый когнитивный образ действия. В контексте профессиональной спортивной карьеры это может создать сильный барьер социальному психологическому благополучию личности, о последствиях которого выдающийся рекордсмен Сергей Бубка говорит так: «человек давно закончил выступать, а психологически по-прежнему стоит на пьедестале. Если не отдавать себе отчета в том, что на «твой» пьедестал уже поднялась новая звезда,

– это трагедия. Способная сломать жизнь и самому человеку, и его близким» [5].

Поведение каждого тренера и спортсмена, как правило, отличается уникальной специфичностью. Поэтому механизмы и формы зависимого поведения не обязательно являются жесткими. Вместе с тем продолжительное использование определенных поведенческих паттернов делает поведение субъекта ожидаемым и относительно прогнозируемым, очерчивая его поведенческий сценарий. Вероятно поэтому спортсмена с низким уровнем развития субъектности и повышенным уровнем интерактивной зависимости, характеризует однообразность в технико-тактических

соревновательных схемах, «зависание» в сложной ситуации, реализация типовых сценариев реагирования на события, чрезмерная эмоциональная экспрессивность и общая неэффективность соревновательных действий. На основании ряда исследований интерактивного поведения было продемонстрировано, что субъекты взаимоотношений склонны к выполнению определенных социальных ролей и руководствуются в своих действиях соответствующими жизненными сценариями [2]. Чаще всего в литературе встречаются социальные роли, представленные в таблице 2.

Признаки типичных социальных ролей нередко имеют место и в спортивной среде. Вот, например,

Таблица 2 – Поведенческая типология интерактивных аддикций по характеру социальных сценариев (Артемцева Н.Г., 2010)

Поведенческий тип	Характеристика
«Стремящийся к сверх-достижениям»	ощущение пустоты от потери своего «Я», попытки восполнить ее различными «достижениями», результатами своей активности, однако в связи с тем, что внутренняя, душевная пустота обусловлена другими причинами, а не отсутствием результатов в «достижениях», удовлетворение от деятельности не наступает и внутреннее напряжение не снимается
«Соглашатель»	большая готовность подчиняться, нежели руководствоваться собственными желаниями и нуждами, серьезная проблема – сказать «нет», поведение – образец искусного манипулирования и контроля со стороны других
«Спасатель»	попытки устроить трудоемкие, «сомнительные» для других дела, урегулировать чужие проблемы в ущерб собственным, потеря личностной идентичности, как бы растворяясь в других
«Неудачник»	низкая самооценка, «сверхзастенчивость», стыдливость, ощущения своей неадекватности окружающему их миру, острое переживание состояния собственной неполноценности и ущербности (не калькированный вариант «лузера»), нередко занимает социально значимое место в обществе и демонстрирует высокие результаты, однако из-за низкой самооценки всегда внутренняя неудовлетворенность результатами своей деятельности (по принципу – «как бы обо мне ни говорили окружающие, мне все равно стыдно за себя и свою работу»)
«Перфекционист»	постоянный страх совершить ошибку и перейти в категорию «неудачника», что заставляет до бесконечности совершенствовать результаты своего труда, доводя это до абсурда и вызывая зачастую обратный эффект
«Жертва»	постоянные жалобы на непонимание со стороны окружающих, желание обрести помощь и поддержку, убежденность в том, что никто и ничто не может улучшить их безрадостное положение, стремление избежать любой ответственности за собственные поступки (по принципу – «все равно мое положение безнадежно»; «меня никто не понимает», «все лучшее было в прошлом»)
«Мученик»	пребывание в мечтательном будущем, частая религиозность, легко принимаются церковные постулаты об обязательности кары за содеянные грехи, «безнадежный» фанатизм, ориентация на тех, на кого можно переложить ответственность за свои поступки, степень ощущения «безнадежности» бытия такова, что они даже не в состоянии принять помощь со стороны, руководствуясь принципом – «для меня все уже ясно и кончено»
«Раб» (пагубных привычек, склонностей)	игроки-фанатики, работоголики, накопители (или растратчики), обжоры и т.д., гипертрофированные проявления «рабской» зависимости могут иметь отношение не только к людям и предметам, но и к ситуациям, местам.
«Супермен»	ярко выраженная ущербность личностного «Я», жизнь по принципу – «я самый, самый...», знак «эго» (социально обусловленный плюс или минус) не играет никакой роли; важна только степень проявления «суперкачества», могут принимать различные ролевые маски (эгоизма, самовлюбленности хвастовства, хулиганства и т.д.), отличаются эти «маски» только поведенческими проявлениями самоутверждения, главным образом, путем воздействия на окружение

как говорит о себе двукратный олимпийский чемпион Евгений Платов: «Наверное, я родился таким. Все, что делаю, должен сделать «перфект». Если не выходит, очень огорчаюсь, но, тем не менее, все равно добиваюсь своего. Поэтому, наверное, и удалось стать олимпийским чемпионом. Т.е. просто так я ничего не оставляю. Если мы играем в бильярд, то это не просто игра, а насмерть. Если в гольф – насмерть. И готовить спортсменов – тоже ни одной поблажки, насмерть» [17]. О подобных внутренних стремлениях говорит обладатель наибольшего количества медалей, в т.ч. золотых, в олимпийской истории Майкл Фелпс: «...всегда стремился быть лучшим, делать то, что никому еще не удавалось. Такие люди меняют спорт. Я безумно рад, что у меня вышло переписать историю. У Майкла Джордана, например, настолько спортивный характер, что он до сих пор хочет только побеждать даже в обычной партии в карты. Я такой же. Из любой игры, серьезной или развлекательной, я должен выйти победителем» [23].

Социальное значение исследования феномена интерактивной зависимости, очевидно, не ограничивается границами спортивной карьеры. Особенности форм взаимодействия, которые были активно усвоены на протяжении разных периодов жизни, оставляют глубокие следы в характере и поведении спортсменов. Закаленные психологически сложными и эмоционально насыщенными ситуациями паттерны поведения формируют определенный внутри личностный конфликт, связанный, с одной стороны, с ориентацией (подчинением) на авторитетного наставника, с другой – желанием быть самостоятельным или, даже, подчинять самому. В подобной ситуации, как отмечает Карен Хорни [25, с.33], «происходит будто расщепление «Я» на две части, каждая из которых противостоит другой». Внутри личностный конфликт, возникающий таким образом, экстраполируется на жизненные внеспортивные отношения и постепенно пронизывает всю систему взаимодействий личности, определяя отношение к себе, другим, деятельности и миру в целом. Образованное на фоне продолжительного спортивного взаимодействия психологическое пространство субъекта определяет отношение, которое имеет настолько решающее значение, что в дальнейшем влияет на формирование качеств личности, определяя ее цели и ценности. Однако личность, находящаяся в состоянии внутреннего конфликта характеризуется искаженным «внутренним языком» (по Выготскому Л.С., 1968)

и часто ориентируется на малореалистичные (с точки зрения их удовлетворения) потребности и цели. Мотивационная «путаница» не содействует качественному построению образа действий, необходимого для достижения цели, что приводит к проявлениям нецеленаправленной активности, препятствует возможности удовлетворения центральной потребности и может, таким образом, углубить внутренний конфликт.

Заключение. Факторами образования аддиктивных дисфункций в спортивно-педагогическом взаимодействии могут быть индивидуальная узость границ оптимума эмоциональности, нарушение процессов образования психологической привязанности в раннем детстве и их сепарация в подростково-юношеском возрасте, интенсивность спортивного противоборства (контактность), пол спортсмена. Установлена связь между интенсивностью спортивного противоборства и близостью отношений тренера и спортсмена, на основе которых может развиваться интерактивная зависимость. Анализ взаимосвязей конструкта «зависимость-доминантность» с блоком оценки взаимодействия в системе «тренер-спортмен», дал возможность выделить значимые связи между конструктами «понимание», «доверие», «взаимоотношения» и «дистанция» разной направленности. Это является основанием для появления эмоционального диссонанса между желанием развиваться в системе таких взаимоотношений, одновременно стремлением их лимитировать, что может быть основанием развития внутри личностного конфликта. Изучение природы возникновения и развития интерактивной зависимости в спортивно-педагогической деятельности, факторов ее лимитирующих связано с проблемами развития субъектности, сохранения экологичности взаимодействия, влияния этих условий на профессиональное самочувствие, успешность и долголетие субъектов спорта.

Литература

1. Анисина, М.В. Точки над «i» / М.В. Анисина. – М. : АСТ, Астрель, 2008. – 384 с.
2. Артемцева, Н.Г. Феномен созависимости в контексте общего, типологического и индивидуального / Н.Г. Артемцева // Методология комплексного человекознания и современная психология; отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. – М. : Институт психологии РАН, 2008. – С. 289-300.
3. Борзов, В.Ф. 10 секунд – целая жизнь / В.Ф. Борзов. – К. : Молодь, 1987. – 120 с.

4. Бризгин, Е.В. Високий результат завжди виведе на високе місц / Е.В. Бризгина, 2010. <http://uaf.org.ua>. 1 серпня.
5. Бубка, С.Н. Вечно быть на пьедестале – это трагедии / С.Н. Бубка // Спорт-Экспресс. – 2013, 7 марта.
6. Волко, Е.Н. Зависимость от реальности / Е.Н. Волков // Практическая психология и социальная работа. – 2008. – № 2. – С.18-26.
7. Галкина, Т.В. Проблема привязанности в психологии / Самооценка как процесс решения задач: системный подход / Т.В. Галкина. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – С. 199-217
8. Гонтюк Р.В. Роман со знаменем: о неудаче в Лондоне и олимпийском флаге / Р.В. Гонтюк // Известия в Украине. – 2012, 24 октября.
9. Егоров, А.Ю. Нехимические зависимости / А.Ю. Егоров. – СПб.: Речь, 2007. – 192 с.
10. Ефременко, К.Н. Аддиктивный потенциал экстремальных видов спорта / К.Н. Ефременко, М.М. Ковылин // Теория и практика прикладных и экстремальных видов спорта, 2010. – № 3 (18). – С. 61-64
11. Загайно, Р.М. Психологическое мастерство тренера и спортсмена / Р.М. Загайнов. – М.: Советский спорт, 2005. – 106 с.
12. Клочков, Я.В. Друзі почали зникати я мого життя.... / Я.В. Клочкова // Високий замок. – 2010, 18 березня.
13. Коломийце, Ю.А. Социальная психология спорта: уч.-метод. пособие / Ю.А. Коломийцев. – Мн.: БГПУ, 2004. – 292 с.
14. Колосов, А.Б. Психологічний простір особистості кваліфікованого спортсмена / А.Б. Колосов // Актуальні проблеми фізичної культури і спорту. – 2008. – №15 – С.51-56.
15. Куликов, Л.В. Психогигиена личности / Л.В. Куликов. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
16. Ложкин, Г.В. Власть тренера и зависимость спортсмена / Г.В. Ложкин, Н.Ю. Волянюк, А.Б. Колосов // Спортивный психолог. – 2009. – №1. – С.13-19.
17. Платов, Е. Перфекционист Евгений Платов, 2012. Прессбол. 4 апреля.
18. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
19. Сивицкий, В.Г. Использование ритуала в работе спортивного психолога / В.Г. Сивицкий // Спортивный психолог. – 2004. – № 1. – С.64-69.
20. Сидоров, П.И. Синергетическая концепция зависимого поведения / П.И. Сидоров // Экология человека. – 2005. – № 10. – С.27-32.
21. Тарасова, Т.А. Красавица и чудовище / Т.А. Тарасова – М.: АСТ, Астрель, 2008. – 496 с.
22. Трефилов Е.В. Когда девушка плачет, снимаю носок / Е.В. Трефилов // Спорт-экспресс, 2008, 31 октября.
23. Фелпс, М. Залег на дно / М. Фелпс // Российская газет, 2012, 12 августа.
24. Хворост, М.В. Один укол может изменить судьбу человека / М.В. Хворост // Болельщик, 2005, 5 июля.
25. Хорни, К. Наши внутренние конфликты: конструктивная теория невроза / Карен Хорни // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М.: Юрист, 1995. – С. 5-190.
26. Шихвердиев, С.Н. Склонность спортсменов к деструктивным формам поведения на завершающем этапе спортивной карьеры / С.Н. Шихвердиев // Вестник спортивной науки. – 2010. – №4. – С.14-17.
27. Elbe, A.-M., Zelli A. Understanding doping behavior – to inform prevention and intervention / Sport and Exercise Psychology: Human Performance, Well-being and Health // Proceeding of the 13th FEPSAC European Congress of Sport Psychology, 2011: 127-128.
28. Hamer, M., Karageorghis C. Psychobiological Mechanisms of Exercise Dependence Sports Medicine 2007; 37 (6): 477-484
29. Marks I. Behavioural (non-chemical) addictions// British J. Addict. – 1990. – V. 85. – P. 1389-1394.

Literature

1. Anisina, M.V. Points over «i» / M.V. Anisina. – М.: AST, Astrel, 2008. – 384 p.
2. Artemtseva, N.G. The phenomenon of codependence in the context of the general, typological and individual / N.G. Artemtseva // Methodology of Comprehensive Human Science and Modern Psychology; otv. Ed. A.L. Zhuravlev, V.A. Koltsov. – Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2008. – P. 289-300.
3. Borzov, V.F. 10 seconds - the whole life / V.F. Borzov. – K.: Young, 1987. – 120 p.
4. Brizgin, E.V. The high result of zavzhdi vivede on the temple mosk / E.V. Brizgina, 2010. <http://uaf.org.ua>. 1 sickle.
5. Bubka, S.N. Forever on the pedestal - it's tragedy / SN. Bubka // Sport-Express. – 2013, March 7th.
6. Volko, E.N. Dependence on reality / E.N. Volkov // Practical psychology and social work. – 2008. – № 2. – P.18-26.
7. Galkina, T.V. The problem of attachment in psychology / Self-assessment as a process of solving problems: a systematic approach / T.B. Galkin. – М.: Institute of Psychology RAS, 2011. – P. 199-217.

8. Gontyuk R.V. A novel with a banner: about the failure in London and the Olympic flag / R.V. Gontyuk // *News in Ukraine*. – 2012, October 24th.
9. Egorov, A.Yu. Non-chemical dependencies / A.Yu. Egorov. – St. Petersburg. : Speech, 2007. – 192 p.
10. Efremenko, K.N. Addictive potential of extreme sports / K.N. Efremenko, M.M. Kovilin // *Theory and Practice of Applied and Extreme Sports*, 2010. – № 3 (18). – P. 61-64.
11. Zagaino, R.M. Psychological skill of the coach and athlete / R.M. Zagainov. – M. : Soviet Sport, 2005. – 106 p.
12. Klochkov, Ya.V. Druzi rushed to pick me up / Ya.V. Klochkova // *The High Castle*. – 2010, 18 birch tree.
13. Kolomiets, Yu.A. Social psychology of sports: uch.-method. allowance / Yu.A. Kolomiets. – Mn. : BSPU, 2004. – 292 p.
14. Kolosov, A.B. Psihologicchny prostir specialy kvalivistovogo athlete / A.B. Kolosov // *Actual problems of physical culture and sports*. – 2008. – № 15. – P. 51-56.
15. Kulikov, L.V. Psychohygiene of personality / L.V. Kulikov. – St. Petersburg. : Peter, 2004. – 464 p.
16. Lozhkin, G.V. The power of the coach and the athlete's dependence / G.V. Lozhkin, N.Yu. Volanyuk, A.B. Kolosov // *Sports psychologist*. – 2009. – №1. – P.13-19.
17. Platov, E. Perfectionist Yevgeny Platov, 2012. Pressbol. April, 4.
18. Guide to addictology / Ed. prof. V.D. Mendelevich. St. Petersburg. : Speech, 2007. – 768 p.
19. Sivitsky, V.G. The use of the ritual in the work of a sports psychologist / V.G. Sivitsky // *Sports psychologist*. – 2004. – № 1. – P. 64-69.
20. Sidorov, P.I. Synergetic concept of dependent behavior / P.I. Sidorov // *Ecology of man*. – 2005. – № 10. – P.27-32.
21. Tarasova, T.A. Beauty and the Beast / T.A. Tarasov. – M. : AST, Astrel, 2008. – 496 p.
22. Trefilov EV When a girl cries, I take off my toe / E.V. Trefilov // *Sports Express*, 2008, October 31st.
23. Phelps, M. Zaleg at the bottom / M. Phelps // *Russian newspapers*, 2012, August 12.
24. Hvorost, M.V. One shot can change the fate of a person / M.V. Hvorost // *The Fan*, 2005, on July, 5th.
25. Horney, K. Our internal conflicts: constructive theory of neurosis / Karen Horney // *Psychoanalysis and Culture: Selected Works by Karen Horney and Erich Fromm*. – M. : Lawyer, 1995. – P. 5-190.
26. Shikhverdiev, S.N. Inclination of athletes to destructive forms of behavior at the final stage of a sports career / S.N. Shikhverdiev // *Herald of sports science*. – 2010. – №4. – P.14-17.
27. Elbe, A.-M., Zelli A. Understanding doping behavior: Sport and Exercise. : 127-128.
28. Hamer, M., Karageorghis S. Psychobiological Mechanisms of Exercise Dependence *Sports Medicine* 2007; 37 (6): 477-484.
29. Marks I. Behavioral (non-chemical) addictions // *British J. Addict*. – 1990. – V. 85. – P. 1389-1394.

